

Н.Ф. Олигер

Рассказы

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
Н11

Н11 **Н.Ф. Олигер**
Рассказы / Н.Ф. Олигер – М.: Книга по Требованию, 2021. – 284 с.

ISBN 978-5-517-83468-3

Рассказы.

ISBN 978-5-517-83468-3

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2021

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2021

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

Ночныя тѣни.

I.

— Такъ ничего?

— Ничего. Фараоны тамъ. Было въ облаву попала, чуть не засыпалась. Черезъ рѣшетку лѣзла,—видишь, рукавъ изорванъ.

— У парка?

— Тамъ... Выживаютъ. Есть одинъ этотъ очкастый: нюхъ у него, какъ у собаки.

— Да...

Тоська поднялъ глаза кверху,—къ чему-то мутному, бѣлесому, висѣвшему надъ городомъ вмѣсто неба,—и добавилъ вскользь:

— Снѣгъ будетъ.

— Ничего, если снѣгъ. Потеплѣтъ.

Тоськина подруга передернула плечами, натянула на самый носъ платокъ. А платокъ—рваный и заношенный. Все равно, не грѣтъ. Подумала о чемъ-то приятномъ, даже улыбнулась.

— Охъ, опредѣлиться бы... Надоѣло.

— Дура!—отрѣзалъ Тоська.—Всѣ вы—такія. Только и ждуть, какъ бы кабалу на себя надѣтъ. Ступай къ хозяйкѣ,—она согрѣтъ,—ремнемъ да дубьемъ.

— Я бы къ такой не пошла. Разныя тоже есть хозяйки, вонъ Липка,—ничего, живетъ. Ее одинъ господинъ каждую недѣлю къ себѣ требуетъ. Важный господинъ, изъ генераловъ. По субботамъ въ баню водятъ, ей-Богу...

— Липкѣ-то еще десяти лѣтъ нѣту... Ей все равно, она безъ смыслу. А тебѣ—сама говорила—тринадцатый пошелъ. Тебѣ скоро и цѣна-то вся будетъ—пятакъ, а ты—опредѣлиться... Не зарывайся.

— А вотъ уйду отъ тебя. Погляжу, много ли одинъ-то настрѣляешь. Дохни тогда.

Закружились первыя снѣжныя пушинки—такія чистенькія и легкія—и нерѣшительно падали на черный обледенѣвшій тротуаръ. Вокругъ газоваго фонаря вился какъ будто рой зеленоватыхъ огненныхъ мушекъ. И то бѣлесое, что было вмѣсто неба, опустилось еще ниже, потемнѣло.

Тоська обиженно закусилъ губу, но смолчалъ. Онъ вообще не любилъ спорить. Полѣзъ было за пазуху—достать табачницу, но вспомнилъ, что табакъ вышелъ весь, до послѣдней крошечки.

— Катька, а Катька!..

— Ну?

Дѣвочка стояла къ нему спиной и все поводила плечами и переступала на одномъ мѣстѣ ногами, обутыми въ слишкомъ просторные башмаки. Съежилась и казалась очень маленькой, куда меньше своихъ двѣнадцати лѣтъ.

— Холодно тебѣ?—съ вкрадчивымъ сочувствіемъ спросилъ Тоська.—Погрѣться надо. Пойдемъ, пострѣляемъ еще—на большой.

— Да мнѣ все равно, хоть въ часть. Тамъ, можетъ, шами покормятъ.

Проговорила это, не оборачиваясь, но въ тонѣ ея голоса Тоська уловилъ какія-то фальшивыя, двойныя нотки. Опять почувствовалъ себя господиномъ положенія, уничтожающе сплюнулъ и сказалъ:

— Ступай! Держать не стану... Васъ тутъ много крутится. Другую найду.

— Анъ не найдешь!

Катька порывисто повернулась на каблукахъ. И отъ этого движенія распахнулись тонкія полы ея ветхаго дипломатика. Морозный и сдѣлавшійся сырымъ отъ падающаго снѣга воздухъ забрался глубоко—до самаго сердца—и даже слезы выступили отъ ощущенія жгучаго холода.

— Не найдешь, я говорю.

Тоська засунулъ руки въ карманы и раскачивался, переваливаясь съ ноги на ногу. Онъ не такъ страдалъ отъ холода, какъ Катька, потому что намоталъ на себя все тряпье, которое только было въ его распоряженіи. А Катька осталась, какъ была лѣтомъ, въ одномъ дипломатикѣ, потому что ей слѣдовало одѣваться прилично.

— Вотъ—Косопятая. Только свистну—сейчасъ прибѣжить.

— Сказалъ тоже... Старая уродина. Кому ее надо?

— Да я—я кого хочешь достану!—воодушевился Тоська.— Я и хозяйскую сманить могу. Я достану.

И сейчасъ же перешелъ на обыденный тонъ. Сдѣлалъ два шага впередъ по тротуару и предложилъ:

— Пойдемъ, что ли?

Дѣвочка молча кивнула головой. Пошли.

Снѣгъ падалъ все гуще. Звѣздчатая снѣжинки сдѣлались тяжелѣе, сливались въ хлопья и не метались уже туда и сюда, а дѣловито ложились на землю, на скользкій тротуаръ, на заиндевѣвшую мостовую. У Катьки на узкихъ плечахъ выростали бѣлые эполеты, и смѣшно чернѣли на тротуарѣ ея слѣды, слишкомъ прямые, съ носками немножко внутрь.

Миновали темный переулокъ, застроенный деревянными особнячками съ непомѣрно длинными досчатыми заборами. Катька шла впереди, но у поворота Тоська нагналъ ее въ нѣсколько широкихъ прыжковъ.

— Такъ ты того... Если что—у дровяныхъ барокъ. Тамъ встрѣтимся. Ты норови, чтобы не на всю ночь. Табаку нѣтъ—и жрать хочется.

И для большей убѣдительности придержалъ ее за рукавъ, но дѣвочка отмахнулась отъ Тоськи, какъ отъ мухи. Она была выше и сильнѣе.

— Ладно ужъ... Отстань ты!

Сразу вывернулись на большую улицу. Было рано,—магазины еще не закрывались. Горѣли огненными квадратами ихъ зеркальныя окна и даже низко опустившаяся снѣжная туча казалась здѣсь свѣтлѣе и выше. А снѣжинки падали

часто и ровно, густою сѣтью мелькали передь огнями. По широкой панели двигалась толпа и казалась наряженной для диковиннаго карнавала. Головы и плечи, и слегка согнутыя спины, мѣховые воротники и донышки шапокъ,—все было бѣлое. На пестрый истоптанный тротуаръ падали перекрещенныя тѣни, безшумно плыли, рождались и исчезали,—и отъ этихъ тѣней толпа казалась еще гуще.

Тоська отсталъ отъ своей подруги и шель, не вынимая рукъ изъ кармановъ, съ безцѣльнымъ, скучающимъ видомъ. Остановливался у ярко освѣщенныхъ витринъ и какъ будто очень внимательно разсматривалъ выставленныя тамъ вещи. А на самомъ дѣлѣ не спускалъ глазъ съ Катьки и тревожно подавался впередъ, когда на мгновение терялъ ее изъ виду. Мальчикъ и дѣвочка,—они, какъ двѣ щепки, плыли въ людскомъ потокѣ, и было похоже, что потокъ этотъ влечетъ ихъ противъ ихъ собственной воли, переноситъ съ тротуара на тротуаръ, поглощаетъ и снова выплевываетъ.

Такъ миновали всю улицу,—и сошлись опять вмѣстѣ только у другого ея конца, гдѣ было уже просторнѣе и мутно чернѣлась, какъ пропасть, широкая пустынная рѣка. Катька согрѣлась отъ ходьбы и выглядѣла бодрѣе. Страхнула съ себя влажный, прилипавшій къ одеждѣ снѣгъ и сказала:

— Рано. Свѣту много.

— Подождемъ...

Тоська былъ недоволенъ отсрочкой, но примирился съ необходимостью. Присѣлъ подъ заборомъ на корточки, засунулъ кисти рукъ въ рукава и принялся ждать. За его спиной, изъ-за низенькаго забора, выглядывали голыя, жидкія вѣтви,—такія тонкія, что снѣгъ не задерживался на нихъ. А за угломъ этого забора уже начиналась набережная, и сквозь снѣжную сѣть слабо вырисовывались черныя очертанія сѣнныхъ барокъ, похожія на скучные дома безъ огней, съ высокими двускатными крышами.

Катька прислушалась.

— Смотри... идетъ кто-то.

Ея спутникъ тоже встрепенулся—и разобралъ чуткимъ ухомъ смутный шелестъ, постепенно приближавшійся. Идутъ...

Тоська измѣрилъ взглядомъ высоту заборчика. Въ слу-

чаѣ чего—можно туда. Нехорошо, что снѣгъ. Если придетъ охота—разыщутъ по слѣдамъ. Настороженные и чуткіе, какъ маленькіе звѣрки, стояли оба, взявшись за руки, чтобы не потерять другъ друга въ случаѣ бѣгства. И дѣвочка, болѣе сильная и высокая, почему-то прижалась къ Тоськѣ, какъ будто искала у него защиты и покровительства.

Шелестъ выросъ въ отчетливые шаги, торопливые и легкіе. Вслушавшись въ звукъ этихъ шаговъ, Тоська выпрямился и облегченно перевелъ духъ. Зашепталъ, объясняя Каткѣ:

— Свой... Тѣ ходятъ—казенными сапожищами топаютъ, за версту слышно. А у этого у самого пятки горятъ.

Вотъ его уже и видно: сгорбленная черная тѣнь крадется вдоль забора. Пугливо озирается по сторонамъ и, кажется, можетъ совсѣмъ растаять, исчезнуть въ бѣловатомъ снѣжномъ сумракѣ.

Тоськѣ досадно за свою ложную тревогу—и хочется отомстить. Выждалъ, когда тѣнь подобралась совсѣмъ близко, и неожиданно рывкнулъ искусственнымъ хрипловатымъ баскомъ:

— Держи!..

И тѣнь дѣйствительно растаяла. Сейчасъ только стояла здѣсь, на этой плитѣ тротуара, выпитившейся снѣжнымъ бугоркомъ—и уже нѣтъ ея. И не слышно ни шаговъ, ни шелеста.

Дѣвочка недовольна.

— Это ты больше напрасно. Зачѣмъ обидѣлъ? Онъ вотъ избѣдетъ тебя. На барки прокрадывался.

— Тоже тепла захотѣлъ, обормотъ... На баркахъ-то каждую ночь шарятся. Тамъ одна рвань коричневая ночуетъ, вотъ что.

— Ну обломаютъ тебѣ ребра, такъ будешь знать, какой ты умный.

— Ладно... Не родился еще такой.

Тоська очень высокаго мнѣнія о своей особѣ вообще и о быстротѣ своихъ ногъ—въ частности. И угрозы его не пугаютъ. Но Катка сегодня мрачно настроена и слишкомъ разсудительна,—и это беспокоитъ Тоську гораздо больше, чѣмъ

возможная перспектива получить нѣсколько тумачковъ. Въ та-
кія минуты Катька мало предприимчива. А вѣдь нѣтъ ни
табаку, ни ужина. Надо заработать.

— А ты чего же прохлаждаешься? Не до свѣту ходить.

Дѣвочка вяло отмахивается.

— Успѣю... Рано.

— Тебѣ-то ладно... Заведутъ въ тепло. Еще и покормятъ,
пожалуй. Выпить навѣрняка дадутъ. А я тутъ жди, окола-
чивайся на морозѣ...

И Тоська сочно и крѣпко выговариваетъ забористую ру-
гань. А сверху падаетъ снѣгъ, все гуще и гуще ложится на
головы и плечи двухъ дѣтей, на тротуаръ, на доски забора.
Улица ужъ сплошь бѣлая. И все чернѣе выступаетъ вдали
еще не замерзшая рѣка.

Вокругъ совсѣмъ пустынно и кажется, что никого уже
нѣтъ на непріютныхъ улицахъ. Разошлись по домамъ. Ло-
жатся спать. Ъдятъ. Въ воображеніи Тоськи очень ярко вы-
рисовывается большой мѣдный самоваръ, весь окутанный
вкуснымъ паромъ, и свѣжія булки съ подрумяненной коркой,
нарѣзанныя толстыми, щедрыми ломтями. Таковую картину
онъ видѣлъ въ дѣйствительности уже очень давно, но она
запомнилась. Хорошо запомнилась, а теперь манитъ и драз-
нить и наполняетъ злобой противъ Катьки, которая прижа-
лась себѣ къ забору и ничего не хочетъ дѣлать. Только
ежится да поводитъ плечами. Это хорошо было лѣтомъ ло-
дырничать, когда жили на кукушкиной дачѣ. Лѣтомъ чело-
вѣку мало надо, а теперь...

Снѣгъ все падаетъ, падаетъ. Скоро отъ дѣвочки останется
одинъ только бѣлый рыхлый бугорокъ.

— Катька!

Та молча поворачивается, и цѣлый сугробъ падаетъ съ ея
головы. Тоська вынулъ руки изъ кармановъ, сжалъ губы.
Приготовился къ рѣшительнымъ мѣрамъ.

— Ты пойдешь или нѣтъ? Говори!..

— Охъ, не хочется...—и сонная печаль слышится въ Катъ-
киномъ голосѣ. — Надоѣло мнѣ. Говоришь: напоятъ, накор-
мятъ... Побылъ бы ты въ моей шкурѣ! Я маленькая, а они

вонъ какіе! Да еще со всякими гадостями. Измучаютъ такъ, что живого мѣста не сыщешь.

Печаль, мертвая и безнадежная, передается и Тоськѣ, но онъ считаетъ это чувство слишкомъ позорнымъ, чтобы отдаться ему хоть на минуту. И съ тѣмъ большей злобой онъ хватаетъ дѣвочку за плечи и трясетъ ее, трясетъ изо всей силы, а она безвольно поддается его толчкамъ, какъ вытряхнутый мѣшокъ. Конечно, она сильнѣе, но Тоська хорошо знаетъ, что она не посмѣетъ сопротивляться.

— Разлимонилась, слякоть этакая!.. Сама придетъ назадъ сытая, пьяная—и еще лимонится. Пойдешь?

— Пойду.

Катька соглашается быстро, настолько быстро, что ея спутника охватываетъ подозрѣніе. Пожалуй, обманетъ. Ей это ничего не стоитъ. Скроется изъ виду, а потомъ пропляется часа два гдѣ-нибудь по закоулкамъ. Вернется и скажетъ, что неудача: никто не хотѣлъ брать.

Но драться сейчасъ нельзя. За обманъ—это можно уже потомъ, а сейчасъ нельзя. Сдвинувъ брови, Тоська останавливается въ недоумѣніи. Его мысль работаетъ напряженно, такъ и сверлитъ въ мозгу, придумывая какой-нибудь выходъ.

А снѣгъ падаетъ, падаетъ. Позади, надъ большой улицей, какъ будто зарево. Свѣтится широкимъ пятномъ низкая туманная туча. Но это зарево уже потускнѣло: магазины закрылись и часть фонарей погашена. Какъ разъ самое время итти теперъ. Лишнихъ гуляющихъ уже нѣтъ. Остались главнымъ образомъ тѣ, кому такъ или иначе нужна темнота ночи.

— Послушай, Катька...

Тоськинъ голосъ пріобрѣтаетъ неожиданную мягкость.

— Ты, можетъ, въ гостиницу пойдешь? Въ «Якорь» или въ «Стрѣлку»? Тамъ хоть долго задержать, да ужъ ладно... Подожду до утра.

— Не пустять туда. У нихъ свои. Да и облавы ждутъ...

У Тоськи не находится возраженій. Впрочемъ онъ и скажь-то это больше такъ, для очистки совѣсти. Катька уже собралась въ дорогу: отряхнула снѣгъ, повязала поаккуратнѣе платокъ. И теперъ, въ темнотѣ, она выглядитъ совсѣмъ недурно одѣтой, и кокетливо выбивается прядь русыхъ, съ

рыжеватымъ оттѣнкомъ волосъ на милостивое личико. Тоська осматриваетъ ее всю съ видомъ знатока, и въ его сердцѣ опять загорается надежда. Во всякомъ случаѣ не такъ уже трудно найти любителя на этакую дѣвочку. Онъ даетъ послѣдній совѣтъ:

— Ты повеселѣе гляди... Скучныхъ не любятъ.

Повернули къ большой улицѣ, навстрѣчу свѣтлomu зареву. И мрачная рѣка съ ея пустымъ холодомъ осталась за спиной. Опять Катька шла впереди, а ея спутникъ осторожно слѣдовалъ за нею почти по пятамъ, чтобы какъ-нибудь не упустить изъ виду.

Встрѣтились двѣ проститутки,—обѣ старыя, съ густыми пятнами дешевыхъ румянъ на ввалившихся щекахъ. Одна ущипнула Катьку и засмѣялась надъ своей собственной циничной шуткой. Потомъ сразу оборвала смѣхъ и взвизгнула отъ боли, потому что незамѣтно подкравшийся Тоська ударилъ ее кулакомъ въ подбородокъ.

— Не задирайся, гнилое мясо! Ступай на баржи,—тамъ тебя купятъ за монету...

Сказалъ это отчетливо, съ вѣсомъ,—и, успокоенный, пошелъ дальше. А двѣ накрашенные старухи такъ и остались тамъ, въ темномъ кварталѣ, гдѣ снѣжный сумракъ лучше скрывалъ ихъ уродливыя лица.

Мелькнула свѣтло-сѣрая шинель. Ничего, это офицеръ. Катька даже подошла къ нему,—но сѣрая шинель сердито цыкнула и круто повернула въ другую сторону. Этому надо получше: въ шляпкѣ, въ мѣхахъ и чтобы пахло духами.

Кто-то сказалъ очень занскивающимъ, почти жалобнымъ голосомъ:

— Поѣдемте, мужчина! Я все могу...

И слышно было еще, какъ густой басъ сердито отвѣтилъ съ сочными, актерскими нотами:

— Отваливай, моя прелесть!

Густой снѣгъ залушалъ голоса и шаги. Въ двухъ-трехъ шагахъ люди уже сливались съ тѣнями или расплывались въ пятнахъ мутнаго, обманчиваго свѣта, и казалось, что неживыя тѣни ходятъ беззвучно и говорятъ мертвыми голосами.

За Катькой было очень трудно слѣдить. Она то и дѣло

ускользала изъ круга, доступнаго Госькиной наблюдательности, легче другихъ, взрослыхъ людей, таяла въ сумракѣ. Тогда Госька поднималъ свой вздернутый носъ еще выше къверху, какъ будто ему помогало какое-то собачье чутье, и, словно опытная ищейка, шнырялъ по тротуару.

Одинъ разъ совсѣмъ было потерялъ, сбился съ толку. Хотѣлъ уже махнуть на все дѣло рукой и подождать подругу гдѣ-нибудь въ другомъ условленномъ мѣстѣ, когда слышалъ совсѣмъ близко знакомый голосъ. Госька затаилъ дыханіе. Кажется, будетъ удача.

Дѣвочка идетъ рядомъ съ высокимъ человѣкомъ, который кажется очень толстымъ отъ просторной скунсовой шубы. Воротникъ поднятъ, закрывая половину лица, и поблескиваютъ слегка золотыя очки. Толстый человѣкъ разговариваетъ съ Каткой, но не поворачиваетъ головы въ ея сторону. Получается впечатлѣніе, что онъ просто, такъ себѣ, прогуливается,—безъ всякихъ опредѣленныхъ намѣреній.

Вмѣстѣ сворачиваютъ въ боковую улицу, гдѣ сейчасъ совсѣмъ нѣтъ прохожихъ. Здѣсь толстый человѣкъ дѣлается развязнѣе, его золотыя очки блестятъ ярче. Онъ внимательно осматриваетъ Катку и повидимому остается доволенъ, но все еще сомнѣвается. Спрашиваетъ очень строго:

— Ты давно уже гуляешь?

— Гдѣ же давно, мужчина? Мнѣ еще и лѣтъ-то... Возьмите меня, мужчина! Не раскайтесь... Другой разъ сами звать будете.

Но толстый человѣкъ все еще сомнѣвается. Госька крадется поодаль, въ густой тѣни, и съ нетерпѣніемъ ждетъ, чѣмъ все это кончится. Если дѣло выгоритъ—можно надѣяться на хорошей заработокъ.

— Ты отъ хозяйки или сама ходишь?

— Сама, мужчина!—и Катка беретъ человѣка за отороченный дорогимъ мѣхомъ рукавъ. Она хотѣла бы взятыя «подъ ручку», какъ дѣлаютъ большія, но нехватаетъ роста.— Пойдемте.

— Погоди... Квартира у тебя есть?

Дѣвочка мнется. Такіе вопросы задаютъ рѣдко—и она не подготовилась.

— На квартиру мнѣ нельзя принимать... А мы въ номера пойдемъ. Тутъ есть такіе поблизости, недорого возьмутъ.

— Подъ заборомъ живешь? Ты, я думаю, обовшивѣла вся, дрянъ этакая!.. Да еще и больна павѣрное.—Толстый человекъ внезапно раздражается.—Въ полицію надо тебя, вотъ что!

Тоська вырастаетъ изъ темноты, закутанный въ свои отрепья, маленькій и уродливый, какъ гномъ.

— Баринъ, батюшка, подайте копеечку! Мамка больная... Два дня не ѣмши...

Толстый господинъ гнѣвно поворачивается къ неожиданному свидѣтелю, а Катька тѣмъ временемъ уже исчезла. Только мелькнули въ воздухѣ, какъ крылья птицы, тонкія полы ея дипломатика.

— Подайте, баринъ! Ей-Богу, не ѣмши... Прозябъ весь!

— Пошелъ прочь, мерзавецъ!

Отороченный мѣхомъ рукавъ тянется къ Тоськину шивороту, но Катька уже въ безопасности, и поэтому ея товарищъ сразу мѣняетъ тонъ. Онъ приплясываетъ на одной ногѣ и строитъ изъ пальцевъ совсѣмъ не двусмысленную комбинацію.

— Нако-сь, выкуси, толстомясый!

Тогда толстый человекъ начинаетъ ругаться и въ сильной ярости плюетъ по тому направленію, куда скрылся Тоська. И сейчасъ же затѣмъ поправляетъ очки, высоко поднимаетъ теплый воротникъ и медленнымъ, степеннымъ шагомъ сытаго и довольнаго жизнью человекъ возвращается на большую улицу.

Снѣгъ немного порѣдѣлъ. Густые тяжелые хлопья опять разбились на отдѣльныя снѣжинки, красиво звѣздчатыя и легкія. Онѣ крутились, почти не опускаясь, слѣдовали каждому движенію застоявшагося уличнаго воздуха. И сразу сдѣлалось холоднѣе.

Тоська съ Катькой шли рядомъ и молчали. Потомъ Катька вздохнула.

— Не выфартило...

— А ты еще разъ!—безъ особой рѣшительности посоветоваль ея спутникъ.—Не клиномъ свѣтъ сошелся.

— Нѣтъ, ужъ если день такой незадачливый. Да я попытаю. Мнѣ все равно.